

План определял логичные обязанности Союза – оборону, государственную безопасность, внешнюю политику, пути сообщения, космическую программу – но обещал республикам их долю в определении политики во всех этих областях, в то же время, перекладывая всю тяжесть государственной ответственности за экономику и социальную политику на плечи «СССР вместе с республиками». Затем, как бы в качестве компенсации, он объявляет, что «законы республик имеют верховенство во всех вопросах, за исключением подпадающих под юрисдикцию Союза». Предполагалось, что новый Конституционный Суд будет классифицировать их, если возникнут споры.

Ставки в борьбе за федерацию или конфедерацию были повышены общественным характером Советской экономики, в которой вся промышленность и природные ресурсы принадлежали государству. Если республики должны были получить исключительные полномочия, это включало бы в себя владение экономическими активами на своей территории. Не было ясной формулы для определения того, какая именно собственность должна остаться во владении правительства союза, и должна ли вообще остаться какая-либо. Кроме того, советская экономика была действительно высоко интегрированной и централизованной, представляя собой систему, которая должна была сильно пострадать после обретения республиками независимости. Именно так и произошло на самом деле. Вообще говоря, внутри любого экономического образования – будь оно плановым или рыночным – работающего как единое целое, неправдоподобно говорить о значительной экономической власти на нижних уровнях управления. Это в равной степени справедливо и для американской федеральной системы, где, несмотря на идеологию «прав штатов», сами штаты не могут оказывать экономическое давление на общенациональные организации бизнеса или даже облагать их налогами так, как они могли бы пожелать. Если бы, как того требовали советские республики, экономические единицы более низкого уровня получили бы реальный контроль над своей экономикой, это привело бы к концу функционирования всей советской экономики как единого

целого.

Возможно, разделительная черта между федерацией и конфедерацией – это право входящих в них субъектов на отделение. Конечно, союзные республики имели право на отделение по сталинской конституции, но все, кто воспринимали это право серьезно, подвергались чисткам. Результат был форсирован новыми антикоммунистическими правительствами стран Балтии, которые были избраны демократическим путем в 1990, после чего Горбачев не решился встретиться с этой проблемой лицом к лицу. Он ссылался на сложный процесс выхода из состава страны, требующий всесоюзного референдума, и показал, что сделает все в пределах демократизированной системы – и даже за ее пределами – чтобы помешать отделению республик.

Продолжение в следующей главе…